

Таёжный дневник (1971)

В 1970-1986 годах я совершил десять, так называемых мной громко, «экспедиций» в район падения Тунгусского метеорита.

Говорить, что я отправлялся в какой-то определённый район, это не совсем правильно, так как, по крайней мере, согласно, проведённых опросов эвенков, было установлено, что гигантские вывалы тайги были ими обнаружены, как в районе Ванавары, так и хребта Лакура, и ещё дальше в верховьях реки Южная Чуня.

В этом предисловии к поэтическому сборнику я расскажу о романтическом этапе первых трёх «экспедиций», с которым и связано, возобновление мной увлечения поэзией, и особенно авторской песней, когда она только стала обретать популярность, так как сочинялась людьми, которые на себе прочувствовали то, о чём они пели у таёжных костров.

Для начала предложу вашему вниманию, содержание стенной газеты под названием «Северо-западнее Ванавары», которую я повесил в коридоре цеха Московского завода точной электромеханики, где я работал с лета 1970 года - по весну 1972 года. Тогда, после возвращения из своей второй «экспедиции» 1971 года, я ещё надеялся хотя бы кого-нибудь заинтересовать проблемой Тунгусского метеорита и привлечь к участию его поисков.

«Северо-западнее Ванавары»

Периодически в научно-популярных журналах, в радиопередачах и во время научных конференций возвращаются к не решённой проблеме XX века, Тунгусской катастрофе.

«В ней необходимо разобраться ещё потому, что последствия падения на Землю таинственного тела слишком напоминают результаты ядерных взрывов. Именно это опасное сходство имел в виду президент Международного астрономического союза, открывая в 1958 году в Колонном зале Дома союзов X съезд этой ассоциации. Французский астроном заявил, что если в наше напряжённое время повторится событие, сходное с тунгусским взрывом, то это может привести мир к непоправимой катастрофе?» (*Журнал «Техника-Молодёжи»-1967*).

Это случилось 30 июня 1908 года, в восьмом часу утра.

«Падение наблюдалось при безоблачном небе на огромной территории Восточной Сибири, начиная с берегов Енисея на западе и кончая населёнными пунктами вдоль рек Витима и Мухтуя на востоке, т.е. на пространстве около в поперечнике. Очевидцы наблюдали полёт ослепительно яркого болида, затмившего собой солнечный свет. Болид пронёсся в течение нескольких секунд в направлении с юго-востока на северо-запад (*по Кринову*). По пути движения болида оставался очень мощный пылевой след, наблюдавшийся в пунктах расположенных вдоль проекции траектории в виде гигантского столба; над местом падения метеорита наблюдалось пламя и облако дыма, отмечавшееся очевидцами из ближайших к месту падения пунктов.

После падения раздались оглушительные взрывы, которые были слышны на расстоянии свыше от места падения. Затем раздался грохот, треск и гул. На огромной территории, почти достигавшей области видимости световых явлений, отмечалась сотрясение почвы, дрожание построек, раскол оконных стёкол, падение различных предметов и домашней утвари, качание висячих предметов. Многие очевидцы даже были свалены с ног воздушной волной, распространившейся с места падения. Особенно такие явления были заметны на фактории Ванавара, расположенной около по направлению от места взрыва. Здесь один из жителей, сидевший в момент взрыва на крыльце дома, был отброшен на несколько метров и потерял сознание, ощутив перед этим непосредственное действие жара распространявшегося от места падения. Чум эвенков, находившейся в к юго-востоку от места падения, был поднят в воздух вместе с находившимися в нём людьми» (*Кринов*).

О падение этого болида писали сибирские газеты того времени, но российскому самодержавию, потерпевшему сокрушительное поражение в войне с Японией было не до науки. Донесения об этом необычном явлении легли на пыльные полки архивов. Проходили годы о нём стали забывать.

Первое исследование места падения Тунгусского метеорита было произведено Л.А.Куликом в 1927 году, т.е. через 19 лет после его падения. Вот что он писал:

«...я не могу реально представить всей грандиозности картины этого исключительного падения... Не видно отсюда с нашего наблюдательного пункта и признаков какого-либо леса; всё повалено и сожжено, а вокруг... на мёртвую площадь надвинулась молодая двадцатилетняя поросль... И жутко становится, когда видишь десяти - двадцативершковых великанов... переломленных пополам, как тростник...».

Кулик установил на всём пространстве радиальный вывал леса. Деревья с вывороченными корнями лежали по направлению к центральной части вывала, причём вершины были направлены наружу, а корни к центру. Такой радиальный характер вывала указывал на то, что падение сопровождалось взрывом. Кулик считал метеорит железным, а обнаруженные круглые озёра в торфяниках кратерами крупных его осколков.

Не смотря на предупреждение специалистов о их естественном происхождении, Кулик приступил в своих последующих экспедициях (1928, 1929-30) к раскопкам, которые ни к чему не привели.

Так, например, в Клюквенной воронке, после того как из неё была спущена вода, обнаружили... пень. В 1938-39 годах была произведена аэрофотосъёмка центральной части вывала, радиусом 12х15 км, общей площадью .

В 1939 году Кулик с небольшой группой вновь приехал в район падения. Теперь его интересовало Южное болото. Обнаруженные неровности дна Кулик принял за метеоритные кратеры, изучение которых он отложил на 1940 год. В 1940 году экспедиция не состоялась. В 1941 году Кулик ушёл добровольцем на фронт. В 1942 году - погиб.

После войны о Тунгусской катастрофе во весь голос заговорили фантасты. В 1946 года в опубликованном в журнале «Вокруг Света» рассказе «Взрыв» *писатель* А.Казанцев убеждал читателей, что причиной Тунгусской катастрофы был взрыв марсианского атомного корабля. *Писатель* Б.В.Ляпунов в 1950 году в статье, опубликованной в журнале «Знание и Сила», пошёл дальше в этом направлении, считая причиной взрыва прилетевший к нам из неведомых глубин космоса уже звездолёт.

Хотя эти новаторские предложения были встречены холодно в научных кругах, молодёжь восприняла их восторженно.

Уже тогда романтику моря стала сменять романтика космоса. Летом 1953 года геофизику К.П.Флоренскому, который проводил исследования в районе Подкаменной Тунгуски, комитет по метеоритам поручил осмотр вывала. Флоренский осмотрел район с самолёта и установил, что вывал ещё хорошо виден. Пройдя пешком от Ванавары до построенных Куликом изб в эпицентре взрыва и убедившись, что там всё в полной сохранности, он вернулся обратно, по пути взяв несколько проб. А между тем пробы привезённые Куликом всё ещё лежали необработанными.

Лишь в 1957 году сотрудник КМЕТа (*Комитета по метеоритам*) А.А.Явнель взялся за их обработку.

Не смотря на то, что результаты оказались интересными, т.к. в нескольких пробах Кулика и одной Флоренского были обнаружены небольшие железные частицы в виде чешуек, стружек, балочек и найдены крошечные магнетитовые содержащие 7-10% никеля и 0,7% кобальта, что типично для железных метеоритов, ко всему этому многие отнеслись скептически и не без основания, ссылаясь на отвратительное состояние помещения, где они хранились в перемешку с пробами, взятыми с места падения Сихоте-Алинского метеорита в 1947 году.

В пятидесятых годах начали говорить о новой экспедиции в район падения Тунгусского метеорита. В юбилейный 1958 год она, наконец, состоялась. Экспедиция была рассчитана на два месяца. Руководителем был назначен Флоренский. После окончательной обработки проб, взятых этой экспедицией в помещение «биолого-почвенного факультета Московского университета» пришли к выводу, что метеорит не был железным, и по всей вероятности

взорвался в воздухе, не долетев до земли.

С 1959 года, в район падения началось паломничество самодеятельных экспедиций и туристических групп.

Если КСЭ (руководитель Плеханов) ставила целью проверку всех гипотез, в том числе и гипотезу ядерного взрыва, то самодеятельная группа из Башкирии (руководитель Золотов) преследовала единственную цель доказать её. В этом же году академик В.Г.Фесенков снова (ранее об этом ещё высказывались Л.А.Кулик и И.С.Астапович) выдвинул кометную гипотезу Тунгусской катастрофы.

Учитывая важность этой проблемы, КМЕТом было решено организовать в 1961 году большую комплексную экспедицию.

В 1961-62 годах были проведены ещё две официальные экспедиции, результаты которых, как выразился их начальник К.П.Флоренский, были доказательством кометного происхождения Тунгусской катастрофы.

Но эта твёрдая уверенность, высказанная в печати, вызвала резкую критику, к которой присоединились даже некоторые участники экспедиций 1961-62 годов.

После 1962 года официальные экспедиции в район падения Тунгусского метеорита не посылались. Руководители КМЕТа, приняв разработанную гипотезу В.Г.Фесенкова, сочли, что Тунгусская проблема решена.

После 1962 года в районе падения метеорита продолжала вести регулярные комплексные исследования по своим или согласованным с КМЕТом программам *только* КСЭ и группа Золотова.

В 1968 году, после ознакомления со статьёй о нерешённой проблеме Тунгусского метеорита в одном из популярных журналов, я принял решение выехать в район Подкаменной Тунгуски не позднее лета 1970 года.

В 1970 году поездом, а затем двумя самолётами, на восьмые сутки, я, наконец, достиг Ванавары, маленького посёлка на берегу Подкаменной Тунгуски. За два дня, делая отчаянные попытки выйти на тропу, я убедился, что мало подготовлен к этому мероприятию. От Ванавары шли куда-то три дороги и целая паутина троп. Глядя на них, я понял, что кратчайший путь к избам Кулика не для меня. Оставалось, следуя описанию Б.Вронского (*в его книге «Тропой Кулика»*), идти берегом Подкаменной Тунгуски и Чамбы, к так называемой переправе. Чего не сделаешь ради удовлетворения любопытства. Отрезок Подкаменной Тунгуски, в был пройден за один день без каких либо трудностей и врятли чем запомнился, если бы я не вздумал срезать угол у самого устья Чамбы, чтобы выйти к её берегу через тайгу. В результате, наткнувшись на болото и сделав крюк в , я снова вышел к Подкаменной Тунгуске, уже значительно дальше того места, от которого меня потянуло в тайгу. Это немного отрезвило меня, раз и навсегда отучив срезать углы в не знакомой местности. На четвёртый день пути вдоль берега Чамбы, через многочисленные завалы и болотистые устья многочисленных рек и ручьёв, я достиг переправы, крайне измотанным и потерявшим в себя веру человеком. Попытки перейти Чамбу вброд не увенчались успехом. Передо мной катила свои волны Чамба, как Рубикон, но я, к сожалению, был не Цезарь. Вырезав на память, на ближайшем переломленном молнией дереве, свои инициалы с датой своего поражения, я с оставшимися двумя банками тушёнки и горстью рожков, вышел на тропу Кулика. Но шёл я по ней не к эпицентру взрыва Тунгусского метеорита, как мне хотелось в Москве, а назад к Ванаваре. Через два дня я замкнул кольцо этого непрерывного бегства. В этот год было не до проверки гипотез, т.к. бросившись в тайгу, я не знал, поймём ли мы друг друга или на всю жизнь расстанемся, как враги. Улетая, на следующий день из Ванавары, я знал, что вернусь.

В 1971 году, делая пересадки с самолёта и *последовательно* на три «парохода», и вновь на самолёт, я добрался до Ванавары окружным путём, по Енисею и Ангаре, т.к. ввиду пожара где-то в том районе и из-за полного отсутствия видимости, были закрыты все местные

аэродромы.

В Кежме я познакомился с туристами из Казани, которые собирались пройти на байдарках до Мурорая, и у которых пешая часть маршрута проходила через «куликовские» избы. В Ванаваре я с ними встретился снова и не в последний раз, потому что им так и не удалось даже преодолеть «чамбинского» отрезка маршрута. Понадеявшись на подвесной мотор, не пожелавший завестись ещё на Подкаменной Тунгуске, они не рассчитали своих сил и вернулись обратно. У устья Чамбы, где я с ними встретился и провёл в их обществе день, они ещё на что-то надеялись.

В этом году к устью Чамбы я попал случайно. Встретившись в тайге с одним охотником (*Александром Лазаревым*) из Ванавары, который затащил меня сначала на Зимовье Чамба, а потом отвёз на моторной лодке на другое *зимовье* вниз по Подкаменной Тунгуске, я хотя, и потерял два дня, но зато хорошо отдохнул.

Гостеприимный хозяин через два дня привёз меня обратно, показал тропу, правда, не ту, которую нужно, тем самым, давши мне вновь возможность повторить часть прошлогоднего маршрута.

Теперь Чамба была значительно мельче, чем в прошлом году. Я дважды переходил её вброд, если замечал под вечер на противоположном берегу охотничью избушку, потому что утром предпочитал идти по знакомому берегу. Под лиственницами, как в прошлом году, меня спать больше не тянуло.

На третий день я дошёл до переправы. Рядом с продолжением тропы, которой я в прошлом году не увидел с противоположного берега, росла в два обхвата лиственница, покрытая по всему обтёсанному стволу до двух метровой высоты многолетними автографами туристов и участников КСЭ. Не удержался от этого соблазна и я. Продолжение тропы мало отличалось от пройденного мной в прошлом году участка. В первый день пришлось заночевать около болота там, где тропа делала ответвление на хребет Хладного, зато на второй день, я оценил все прелести хорошо натопленной избушки на Хушме, после того как прошагал под дождём более . На следующий день я принял решение идти к избам Кулика належке, т.к. к этому времени продуктов оставалось только на обратную дорогу. Взяв фотоаппарат, горсть ломаных сухешек и *полулитровую* бутылку компота, приготовленного ещё с вечера *из последнего лимона*, я под морозящим дождём пошёл к избам.

Через три-четыре километра водопад Чургим, как крепостная стена, преградил мне дорогу. Это было одно из самых красивейших мест на тропе. Сине-чёрные камни, как бы изрубленные каким-то великаном оцетинились и даже вода, низвергавшаяся вниз, не смогла сгладить их упрямые гребни. На фоне зелёных склонов гор водопад светился неземным фиолетовым светом, оставаясь загадочным, как издали, так и вблизи.

После водопада, еле заметная тропа переходила в просеку, прорубленную ещё по распоряжению Кулика. Через три километра показались избы. В одной из них мне послышался какой-то шорох. Открыв дверь, я замер на пороге. В избе были двое - мужчина и девушка лет восемнадцати. Поздоровавшись и представившись, я узнал от них, что на Заимке сейчас ещё продолжает работу КСЭ-13. Мужчина оказался начальником экспедиции Димой Дёминым. Увидев, в каком виде я путешествую по тунгусской тайге, он не выдержал и рассмеялся. Особенно, как он потом признался, его шокировала болтавшаяся в моей руке авоська с бутылкой. Дёмин пригласил меня «вечерком зайти» на так называемый банкет по случаю проводов двоих ребят в Ванавару. Я согласился. Когда я уходил за спиной ещё долго слышался раскатистый смех Дёмина, который, как мне показалось, потряс эти легендарные окрестности подобно орудийному салюту. Весь этот день я утапывал этот семикилометровый участок тропы, сначала без рюкзака, а потом для надёжности, с рюкзаком. Когда я снова подходил к избам то не знал, что меня ждёт подчёркнутая заинтересованность, понимающие улыбки или то небольшое, что необходимо человеку, когда его считают своим.

Стемнело. У изб горел костёр, на котором стояло ведро с кипевшей в нём дичью. По реакции ребят на моё появление, выраженной полно в одной фразе, заключающейся в том,

что я пришёл так рано, что они не успели сварить глухарей к моему приходу, я пришёл к выводу, что меня здесь поняли правильно.

Через несколько минут к костру подошли девушки, которые, увидев меня, остановились в замешательстве, так что ребятам пришлось напомнить, что в культурном обществе принято здороваться.

Как я потом узнал, рассказ Дёмина о нашей встрече, здесь приняли за шутку и весь день, зная о его слабости к «летающим тарелкам», не давали ему прохода, допытываясь: может, это был марсианин!?

В конце концов, Дёмину ничего не оставалось, как заявить с серьёзным видом: «Да, и у меня было такое ощущение, как-будто он вылез из какого то ящика в углу избы, т.к. признаться по правде, я не слышал, как открылась дверь? К тому же все, кто выходит из тайги не в меру разговорчивы, а этот через несколько минут исчез».

А теперь этот самый марсианин стоял у костра, и не было в его виде ничего особенного.

Сварились глухари. Церемонию проводов было решено о провести в одной из изб! С нар были сняты спальники и вместо них разложена в тарелках таёжная снедь, и расставлены кружки. Расселись. В кружках на самых доньшках два раза мелькнула водка, и после нескольких традиционных тостов и дружеских пожеланий на будущее, над тайгой поплыли песни, многие из которых я слышал впервые. Одна из них, песня А.Бийчаниновой, перекликалась с тем, что у меня творилось второй год на душе. Я вновь и вновь повторял про себя, её слова - незатейливые, задумчивые, как всплески Чамбы:

Непонятно откуда,
Непонятно зачем,
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Лес задумчивый чахлый,
Зыбь зелёных болот,
Перекаты на Чамбе,
Журавлиный полёт.
Берег речки безвестный,
Россыпь серых камней,
Вспоминаю, как песню
Возвращённую мне.
Может, это приснилось:
Предрассветный туман,
И Синильга-синица,
Просто сказка-обман?
Непонятно откуда,
Непонятно зачем,
Вспоминаю, как чудо,
Голубой этот плен.
Может быть не случайно,

В серой россыпи дней,
Перекаты на Чамбе,
Стали песней моей.

На, следующий день я принял участие в одном из двух последних маршрутов КСЭ-13 за пробами на цезий. На одном из заданных болот была найдена ровная площадка, на которой разметили участок площадью в квадратный метр и обкапав его с двух сторон до вечной мерзлоты, образовавшийся торфяной пирог, разрезали пятисантиметровыми слоями и сложив их также послойно в полиэтиленовые пакеты. Хотя на этом участке торф залегал всего на глубину 35 см, каждому его досталось более . В лабораториях Томска, Новосибирска и Москвы во взятых пробах выделяют слой 1908 года и затем определяют уровень радиоактивности в этом месте в момент Тунгусской катастрофы. С 1958 года в районе падения было взято около 300 проб. Когда мы вернулись на Заимку, то застали там туристов из Уфы, сдававших в этом районе нормативы на звание «мастер спорта». По пути они тоже захватили несколько проб, взятых на болотах к западу от Заимки и теперь готовились навсегда покинуть эти места.

Опять под вечер, собравшись в той же избушке, мы провожали ещё одну группу традиционно песнями. Дороги песен, они не подвластны гравитации, они не только ведут вокруг планеты, по ним мы поднимаемся к звёздам, на их бесконечных перекрёстках мы встречаемся с братьями по разуму на далёких планетах ещё не открытых звёзд, по ним мы даже путешествуем во времени. Заимка под опрокинутой чашей небосвода сегодня была ближе к космосу, чем Байконур или Мыс Кеннеди, потому что почти рядом:

За хребтом, за синим Сильгами
Звёздное сияние,
Там с глазами, словно васильки
Ходят марсиане.
Прилетели, пламя развели,
Пляшут ярко-мёдные,
А на тёмном склоне корабли
Остывают медленно.

(слова Карпунина)

На Заимке я провёл ещё два дня. За это время сначала с геологом Сашей Мошкиным я поднялся ночью на гору Фаррингтон, а затем на следующий день с ним же и с остальными членами КСЭ на гору Стойковича, для изучения «дёминского таинственного космического тела», которое, как выяснилось, ещё задолго до нас, называли Марсом. Ну, что ж, не каждый же день нам делать открытия.

И вот после отчаянных попыток связаться с Ванаварой по радио Дёмин обратился ко мне с просьбой проводить Сашу Мошкина до этого населённого пункта и там помочь ему сделать сброс продуктов с самолёта на Заимку. Саше так же предстояло заказать спецрейс вертолёта для того, чтобы вывести пробы уже приготовленные к отправке. Сам он добрался до Заимки с проводником и Дёмин, зная по собственному опыту, что с первого раза никто почти не пробовал пройти по тропе Кулика самостоятельно, решил не рисковать.

Короткие минуты прощания и как всегда пожелания удачи и как всегда обещания новых встреч. Но вот мы идём по тропе. Осенняя тайга разбрасывала все свои щедрые дары вокруг нас. Красные брусничные поляны чередовались с синими голубичными, на болотах пестрела, наливаясь зарёй клюква, а вдоль ручьёв свешивала свои огненные гроздья красная смородина. Стелилась под ногами костяника, красный с фиолетовым отливом продолговатый шиповник в тени лиственниц сам просился в рот, как и черёмуха, одного взгляда на которую хватало, чтобы почувствовать её терпкую мякоть. Цветов почти не было

и лишь на горях, гордо поднимал свои стебли с малиновыми соцветиями кипрей. Это было его время - золотая пора иван-чая.

Через два с половиной дня мы были в Ванаваре. Там мы узнали, что сброс на Заимку организовала предыдущая группа, а вертолёт отбыл в неизвестном направлении. По крайней мере, никто даже не мог вразумительно сказать, когда он вернётся. Оставалось только дожидаться Дёмина и уже с ним решать, что делать дальше. За день до нашего прихода в Ванавару, Дёмину удалось связаться с ней по радио и, зная положение дел, он врятли стал бы задерживаться на Заимке. Так оно и было. Дёмин покинул Заимку на следующий после сброса день. Хотя он в шестой раз выходил на тропу, удача не сопутствовала ему. Сбившись с тропы на болоте, где с нами приключилось тоже, *что и с ним*, и где мы потеряли час, чтобы выйти на неё снова, Дёмин со своей группой поступил иначе. Он пересёк болото, как потом выяснилось под углом к тропе, забрался в какие-то непроходимые дебри и, маневрируя в них, пришёл в Ванавару на четвёртые сутки.

Через день я прощался с КСЭ-13, с некоторыми ребятами навсегда, т.к. не каждый, кто побывал здесь однажды, возвращается вновь.

Итак, прошло два года, за которые были найдено много новых друзей, сделаны свои маленькие открытия, одна из находок даже вызвала, по выражению Дёмина, единодушное ах! на одном из сборов в Новосибирске. А главное сделан первый самостоятельный шаг, с которого начинается или кончается всё, на что мы бываем, способны в жизни.

В этом году я ещё раз побывал в Сибири, на ноябрьской конференции в Томске, посвящённой проблеме Тунгусского метеорита, где, заслушивая приветствие в адрес кустаря-одиночки, не сразу понял, что эти слова относятся ко мне.

Невольно могут спросить, и с какой целью это всё было проделано мною, чего я добиваюсь или что я ищу? В отношении этого я врятли осчастливлю кого-либо вразумительном ответом. Это надо почувствовать, когда мечта начинает обретать очертания, но ещё очень далеко до рассвета, чтобы разглядеть её во всём блеске, и приходится продолжать этот бесконечный ночной полёт, о котором так хорошо сказано в одной из песен, спетых нами на Заимке Кулика:

Оставь свою печаль до будущей весны
На север улетают самолёты,
Гремит ночной полёт по просекам лесным,
Ночной полёт - не время для полёта.
Ни мартовские льды, ни вечные снега,
Ни обелиски под звездой жестяной
Не оборвут следы к пылающим кострам
К непройденным вершинам безымянным.
Мы бросили к чертям пшеничные хлеба,
Сменили на махорку сигареты,
Выходит, что у нас попутная судьба,
Один рассвет ладонями согретый.
Простите города, прощайте вновь и вновь
Кому-то надо на земле дежурить
Ни деньги, ни указ, ни чья-нибудь любовь
Уж не вернёт нас к жёлтым абажурам.

Таятся в облаках неспелые дожди
И рано подводить ещё итоги,
И, этих облаков недели впереди,
Да и у нас дороги, да дороги.
Ни мартовские льды, ни вечные снега,
Ни обелиски под звездой жестяной
Не оборвут следы к пылающим кострам
К непройденным вершинам безымянным.

В 1972 году в районе падения Тунгусского метеорита будут работать четыре группы КСЭ-14 и моя «Тунгусско-чамбинская экспедиция» ТЧЕ-3 (70 + 1 человек).

«Если у кого появится желание, чем Чёрт не шутит, увидеть описанные мною места, звоните по телефону 3-69. Коханов К.П.»

Желания ни у кого тогда не возникло и мои путешествия в районы падения Тунгусского метеорита до 1976 года продолжались в одиночку.